

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

1866 года. № 7. 1 Апрѣля.

26-е ПИСЬМО

**ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА, МЕТРОПОЛИТА
КІЕВСКАГО.**

**КЪ СТРОИТЕЛЮ КАЛУЖСКОЙ ОПТИНСКОЙ ПУ-
СТЫНИ.**

Преподобный Отецъ Игуменъ!

Любезный о Господь братъ!

Вы меня благодарите за посѣщеніе мое, а я Васъ усердно благодарю за порядокъ и устройство, съ удовольствіемъ душевнымъ найденное мною въ обители. Будемъ молить Господа и Отца свѣтовъ, да наставитъ и братію нашу теши путь заповѣдей Его безпреткновенно, истиннымъ монашескимъ по Бозь житіемъ. Податель сего желаетъ посвятить себя уединенной жи-

зни. Онъ у меня провель педѣлю;—по замѣчанію моему, кажется, въ немъ будетъ путь. Прошу васъ принять его братски и какъ слѣдуетъ человека хотя юнаго, но довольно образованнаго. Попросить отъ меня отца Вассіана и о. Мойсея, чтобы они дозволили ему ходить къ нимъ для пользы душевной. Впрочемъ какъ еще Господь управитъ путь его.

Пашпорты, кажется, къ вамъ посланы, а о. Аѳанасій, недождавшись меня, отправился къ вамъ; и хорошо, что не охотникъ долго оставаться внѣ обители.

Батищевскій священникъ пусть явится ко мнѣ въ Калугу, — ибо я его что-то невспомню. Хорошо награждать по внутреннему убѣжденію достоинства.

Призывая на васъ и обитель благословеніе Божіе, съ искреннею къ вамъ любовію есмь на всегда

ВАШЪ УСЕРДНЫЙ

Филаретъ Епископъ Калужскій.

1822 года
Сентября 13 дня.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ НАСЛѢДНИКА, БЛАГОВѢРНАГО ГОСУДАРЯ, ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Наслѣдникъ славнаго Царя и Пророка Давида, въ молитвѣ своей къ Богу, просилъ себѣ мудрости для того, чтобы разумно править народомъ и судить его справедливо. Наслѣдникъ Огчественнаго Престола, по своему происхожденію, также готовится къ великому и многотрудному служенію, — къ управленію обширнымъ царствомъ народа Русскаго. По этому думаемъ, умѣстно будетъ, молясь о здравіи и благоденствіи Благовѣрнаго Цесаревича, съ этимъ вмѣстѣ просить Всевышняго, да дастъ Онъ Великому Князю нашему Александру Александровичу мудрость правительственную въ утѣшеніе Отцу Монарху и горячо любящей Его Россіи. Но, чтобы при мудромъ правленіи благоденствіе наше развивалось и совершенствовалось, намъ необходимо озаботиться о религіозно-правственномъ и умственномъ развитіи. Безъ этаго ни одинъ мудрый правитель не доставитъ блага своему народу, безъ этаго никакія мудрыя учрежденія, никакіе законы и распоряженія власти не достигнутъ своихъ цѣлей. По общему сознанію, нашъ вѣкъ, есть по преимуществу вѣкъ просвѣщенія, много сдѣлано усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ знанія и труда человеческого, много открытій и изобрѣтеній, обогатившихъ жизнь нашу разными удобствами, много усовершенствованій во внутреннемъ благоустройствѣ, все это доказываетъ силь-

ное развитие умственныхъ силъ народа. Но, вотъ вопросъ: вмѣстѣ съ развитіемъ умственнымъ идти ли объ руку и религіозно-нравственное развитие? Къ несчастію, всѣми замѣчено, что религіозно-нравственное развитие далеко не соответствуетъ умственному образованію; первое стоитъ гораздо ниже, въ слѣдствіе чего всѣ наши жалобы на семейный, частный и общественный бытъ. Одинъ вопіеть о притѣсненіи на судѣ, другой—о несправедливости общества, одинъ—о несчастіи семейномъ, другой о своемъ собственномъ, — и всѣ эти вопли слышатся именно потому, что вездѣ, во всѣхъ сословіяхъ и на всѣхъ ступеняхъ гражданскихъ есть люди, въ умственномъ отношеніи высоко стоящіе, но люди, смотрящіе на все сквозь личный интересъ и дѣйствующіе во имя личныхъ своихъ желаній и цѣлей, считая самую нравственность дѣломъ безразличнымъ. Значить, одно умственное развитие безъ религіозно-нравственнаго не доставитъ намъ спокойствія, довольства и вообще всего того, что необходимо для нашего благосостоянія. Напрасно современные люди говорятъ, что развитие наукъ и искусствъ обезпечиваетъ развитие доброй нравственности въ народѣ; отчего же не рѣдко въ царствахъ человѣческихъ въ то время, какъ гражданственность достигала значительнаго развитія, науки и искусства восходили на высшую степень совершенства, въ то же самое время честность, воздержаніе, простота, искренность, цѣломудріе, усердіе къ общему благу и другія добродѣтели терлись въ разливѣ роскоши и разнообразныхъ чувственныхъ стремленій. Вѣка: Перикла въ Греціи и Августа въ Римѣ, славные вѣка просвѣщенія и образованности

какъ они скудны примѣрами честности, умѣренности, воздержанія, безкорыстія. Присмотримся и къ нашему просвѣщенному времени, чего болѣе увидимъ: дѣль ли любви христіанской, или эгоизма, честности, или холоднаго расчега, искренности или лукавства, воздержанія, или чувственности, самоотверженія, или самолюбія, смиренія, или гордости. Не подумайте, что этими вопросами мы хотимъ заподозрѣть пользу просвѣщенія; нѣтъ, мы желаемъ только сказать, что не умственное развитіе обезпечиваетъ нравственность и доставляетъ счастье народамъ, а вѣра и нравственность обезпечиваютъ наше умственное движеніе и составляютъ опору нашего благоденствія. Да! недостаточность у насъ религіозно-нравственнаго развитія есть великое несчастіе, о которомъ слѣдуетъ подумать съ особеннымъ вниманіемъ и съ самымъ искреннимъ участіемъ. Прежде всего надо обратить на это, все свое вниманіе родителямъ. Они должны съ юныхъ лѣтъ дѣтей слѣдить за развитіемъ ихъ, не слагая своей священной обязанности на другихъ, часто изъ за того только, чтобы имѣть возможность заняться другими предметами, далеко второстепенными, или предаться развлеченіямъ, оставляющимъ въ сердцѣ одну пустоту, а въ домѣ разореніе и неудовольствія. Не бываетъ ли у насъ того, что дѣти, живя съ родителями, въ одномъ домѣ, живутъ розно? Отношенія дѣтей къ родителямъ не принимаютъ ли въ иныхъ семействахъ характеры официальности — когда дѣти являются къ родителямъ, чтобы пожелать добраго утра, покойной ночи, — и только?... Трудно объяснить: дѣлается ли это потребованію утонченности свѣтскаго образованія, или только для

того, чтобы дѣти не беспокоили своихъ родителей. Жалкое положеніе дѣтей, жалки и родители! Они не знаютъ своихъ дѣтей, не знаютъ потомъ и причины ихъ несчастій, а часто преждевременной смерти, выражая въ послѣдствіи времени неосновательно ропотъ на Господа Бога. Нѣтъ, никто другой, а родители и прежде всего мать должна быть воспитательницею своихъ дѣтей въ первую пору ихъ жизни. Она скорѣе всего въ состояніи положить въ душѣ дитяти прочное основаніе вѣры и христіанской нравственности. За чѣмъ излишній домогательства женщины на какія то права? Права человѣческія при ней, а законъ откровенный и человѣческое сознаніе признали за ней все возможное и достойное ея. Недостаточность религіозно-нравственнаго развитія зависитъ у насъ еще отъ того, что иные родители начинаютъ учить своихъ дѣтей не съ того, съ чего слѣдуетъ начинать. Кому не приходилось встрѣчать юношу съ довольно значительнымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, юношу, владѣющаго даже иностранными языками, и въ то же время незнающаго основныя начала вѣры и христіанской нравственности. Еще, часто на первыхъ же порахъ, внушаютъ дѣтямъ, что они должны получать образованіе только для того, чтобы потомъ занять извѣстную должность и чрезъ то извѣстное положеніе въ обществѣ, или имѣть средства къ жизни. Такое внушеніе, хотя весьма практично, но въ свою очередь и весьма вредно. Вслѣдствіе этаго, истинная и главная цѣль нашего образованія не достигается, по которой оно необходимо для яснаго взгляда на жизнь, для сознанія своихъ отношеній къ Создателю Богу, ближнимъ и самому себѣ и для прав-

ственного нашего усовершенствованія. Люди забываютъ высокую истину Христа Спасителя: *«Ищите прежде царствія Божія и правды Его и сія вся приложатся вамъ»*, т. е. ищите прежде нравственного совершенства, а званія общественныя и средства къ жизни будутъ необходимымъ его слѣдствіемъ. Потому, что очень важно, надо, чтобы жизнь родителей служила для дѣтей примѣромъ искренней ихъ вѣры и высокой христіанской любви, такъ какъ вообще жизнь наша имѣетъ неотразимую силу убѣжденія для людей всякой вѣры и даже всякой нравственности. По этому весьма грустно видѣть, какъ иные родители, воспитатели, а равно люди, которымъ ввѣряется смотрѣніе за народною нравственностію, въ высшей степени бываютъ неосторожны и легкомысленные въ своихъ словахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ. *«Вѣра безъ дѣлъ мертва»*, т. е. не имѣетъ никакого значенія ни для нихъ самихъ, ни для тѣхъ, на кого они могли вліять. Послѣ родителей, къ недостаточности у насъ религіозно-нравственного развитія, съ полною искренностію, съ самымъ горячимъ участіемъ должны отнестись люди, которымъ ввѣряется воспитаніе молодаго поколѣнія. Великій грѣхъ они примутъ на душу, жалобы и упреки общества ожидаютъ ихъ, если не станутъ обращать всего своего вниманія на религіозно-нравственную сторону въ воспитаніи, а что всего ужаснѣе, если и сами будутъ проникнуты такъ называемыми либеральными взглядами на вѣру и нравственность.

Можно себя представить, какихъ полезныхъ тогда дѣятелей они приготовятъ обществу и государству.

Озаботимся же всѣ, сколько для каждаго изъ насъ

возможно, и станемъ молить Господа, да содѣйствуетъ Отецъ намъ основать духовное наше развитіе на прочныхъ началахъ вѣры и христіанской нравственности, а съ этимъ вмѣстѣ помолимся, да съ возрастомъ лѣтъ, Наслѣдникъ Отечественнаго Престола, преуспѣваетъ въ той мудрости, которая такъ необходима, для всякаго служенія, предназначеннаго Ему Всесильною десницею Вышняго. Аминь.

Св. Петръ Мазановъ.

СЛОВО

НА 3-Ю ПАССІЮ.

*Искажу архіерее и книжници,
како бы убили Его: боюсь бо
людей. Луки, XXII, 2.*

Въ этихъ словахъ, бр., Св. Евангелистъ Лука ясно различаетъ съ одной стороны враговъ Спасителя,—людей, пользовавшихся высокимъ общественнымъ положеніемъ,—съ другой Его послѣдователей или народъ, который неотступно Его слушалъ и въ храмѣ, и всюду.

Перенесемся мыслію къ тогдашнему Иерусалиму и спросимъ себя: за-что враждовали противъ величайшаго Праведника, который не сдѣлалъ ни единого грѣха и былъ кротокъ до голубинаго незлобія, представители тогдашняго Іудейскаго общества, и чѣмъ расположилъ къ себѣ Иисусъ, сынъ Маріи и бѣднаго тектона, какъ называли Христа Его соотечественники (Марк. VI, 3), не только простой народъ, но и нѣкоторыхъ изъ знатныхъ Іудеевъ?—За тѣмъ перейдемъ отъ древняго Іерусалима и его общества къ настоящему времени и посмотримъ, нѣтъ ли и между нами, или около насъ враговъ Спасителя?

За-что же, во первыхъ, преслѣдовали Христа Іерусалимскіе первосвященники Анна и Каіафа?—За то, что Онъ обличалъ ихъ лицемѣріе, гордѣсть, корыстолюбіе и святокупство. Эти гордые и недостойные служители алтаря покупали себѣ у Римскихъ кесарей, которымъ была подчинена тогдашняя Іудея, священное достоинство и, въ своекорыстныхъ видахъ, обратили

самый храмъ Иеговы въ торжище и вертепъ разбойниковъ. Иисусъ Христосъ не только выгоняетъ изъ храма торговцевъ и покупателей, но при этомъ даже считаетъ своимъ долгомъ обличить недостойныхъ служителейъ Иеговы въ томъ, что они домъ молитвы обратили въ вертепъ разбойничій, и не только обличаетъ ихъ, но еще считаетъ себя въ правъ каждодневно учить, въ опозоренномъ храмѣ, народъ истинному боговъдѣнію и богопочтенію, обличая при этомъ ложь слѣпыхъ вождей этого народа. (Лук. XIX, 45—48.) Могли-ль гордые первосвященники не преемствовать такого строгаго обличителя ихъ пороковъ и, по ихъ мнѣнію, не призваннаго учителя? И вотъ они не только считаютъ пужнымъ спросить Его, — *«кто далъ тебѣ власть учить и обличать, но даже ищутъ убить Его.* (Лук. XX, 2.)

За-что враждовали противъ святѣйшаго и не погрѣшиваго Учителя книжники, то есть тогдашніе ученые? — За то, что Божественный Учитель обличалъ ихъ ложное ученіе и лицемерную жизнь. Саддукеи учили, что воскресеніе мертвыхъ и будущая жизнь не больше какъ пустая мечта: Иисусъ Христосъ говорилъ напротивъ, что *Богъ ильсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ: вси бо Тому живи суть.* (Лук. XX, 38.) Фарисеи всю святость жизни полагали во внѣшнемъ благочестіи и соблюденіи буквы закона, не заботясь о чистотѣ внутренней и о духѣ закона. Они считали себя однихъ праведниками, и въ то же время на каждомъ шагѣ нарушали божественныя заповѣди, находя для себя оправданіе въ той же буквѣ закона. Иисусъ Христосъ возсталъ противъ самохвальства, гордости и ложной набожности этихъ книжниковъ. Онъ говорилъ имъ, что

соблюденіе субботы и всего обрядоваго закона, безъ внутренней чистоты и святости, не сдѣлаеть ихъ угодными Иеговъ. Въ то же время Онъ говорилъ своимъ послѣдователямъ: «Остерегайтесь книжниковъ, любящихъ ходить въ длинныхъ одеждахъ, и ищущихъ привѣтствій въ народныхъ собраніяхъ, и высшихъ мѣсть въ синагогахъ и на пиршествахъ, которые пожирають дома вдовиць, и лицемѣрно долго молятся. Они получаютъ тѣмъ больше осужданія.» (XX, 46 47). Могли ль эти слѣпые вольнодумцы и эти грѣшныя святоши равнодушно смотрѣть на столь смѣлаго Обличителя своей неправды и грѣховности, который притомъ оспаривалъ еще у нихъ вліяніе на народъ? И вотъ они не только вступаютъ съ Нимъ въ ученыя и богословскія состязанія о воскресеніи мертвыхъ, не только обличаютъ Его въ нарушеніи субботы и сообществѣ съ мытарями и грѣшниками, но даже придумываютъ способы убить его.

За-что ненавидѣли Христа, котораго царство не отъ міра сего, старѣйшины народа и почему уступили ярости беззаконнаго сонмища даже самыя верховныя правители Іудей?—Первые ненавидѣли Его за то, что ослѣпленные буквою закона и не понимая внутренняго смысла Евангельской проповѣди, видѣли въ Немъ разрушителя всякаго существующаго порядка,—религіознаго, гражданскаго и нравственнаго. Верховныя правители Іудей: Иродъ четверовастникъ и Пилать — Римскій правитель Іудей, по видимому, были расположены въ пользу Спасителя. Послѣдній даже, по видимому истощилъ всѣ усилія, чтобы доказать враждебному сонмищу, что онъ необрѣтаетъ никакой вины въ челоуѣкѣ семъ. И-

родъ также, по словамъ Пилата, призналъ всѣ обвиненія, взводимыя на Христа, клеветою. (Лук. XXIII, 4, 14, 15.) Однако Иродъ не взялъ на себя труда спасти, отъ ярости враговъ, чловѣка, хотя и невиннаго по его мнѣнiю, по все же ни больше, ни меньше, какъ простодушнаго Галилеянина (Лук: XXIII. 8 — 11.), а убжденiя Пилата въ невинности Христа оказались слабѣе его заботливости о собственномъ положенiи при Римскомъ дворѣ: имя кесаря и дружба съ нимъ, были для него важнѣе имени и правды Божiей. (Иоанна, XIX, 12.)

Въ средѣ даже самыхъ учениковъ Христа нашелся одинъ, который дерзнулъ стать во главѣ враждебнаго Христу соимшица и начерталъ планъ предательской измѣны: это предательство особенно огорчило Спасителя, какъ видно изъ Его собственныхъ словъ: *Иудо, лобзанiемъ ли Сына чловѣческаго предаеши?* (Лук. XXII, 48.)

Да, бр., весь почти Иерусалимъ наполненъ былъ врагами Спасителя, такъ что ученики Его затруднялись даже и найти тамъ горницу, когда ихъ Божественный учитель *желанiемъ возжелѣхъ* вкусить съ ними послѣднюю въ жизни пасху. (Лук. XXII, 15.) Всѣ страсти мiра и козни дiавола вооружились противъ правды и дѣла Божiя. И сколько страданiй перенесено Спасителемъ на небольшомъ пути отъ горы Масличной до горы Голгоѣской! Въ саду Геосиманскомъ кровавый потъ, въ чертогахъ Анны и Каиафы заушенiя, поруганiе, на Голгоѣѣ самая позорная, по тогдашнимъ понятiямъ, крестная смерть, посредѣ двою разбойникъ.

Не все впрочемъ тогдашнее чловѣчество искало у-

бить Спасителя: главные враги Его составляли меньшинство людей, пользовавшихся высшим общественным положением, — да и изъ нихъ не многіе лучшіе увѣровали въ Господа; таковы: Иосифъ Аримаѳейскій членъ совѣта, человекъ честный и правдивый (Лук. XXIII, 50), и Никодимъ (Іоан. XIX, 39). Большинство же народа, не говоря уже о Его ближайшихъ ученикахъ, видѣло въ немъ Божественнаго Посланника. Евангелисты часто замѣчаютъ, что незаконное сонмище не рѣшалось явно убить Христа потому только, что боялось народа. Поэтому-то оно прибѣгало ко всевозможнымъ хитростямъ, чтобы уловить Его на словахъ и представить возмутителемъ порядка религіознаго и гражданскаго. Ему предлагаютъ вопросъ: «кто далъ Тебѣ власть проповѣдывать во храмѣ?» Къ нему подсылаютъ толпу молодыхъ льстецовъ, съ лукавымъ вопросомъ: «Нужно ли давать дань Кесарю?» (Лук. XII, 22). Ничто не помогло. И вотъ нечестивое сонмище избираетъ почъ, чтобы скрыть темное дѣло, отъ ярости народной.

Да, бр., народъ съ необыкновеннымъ усердіемъ шелъ во слѣдъ Господа и жадно слушалъ Его ученіе. Что же влекло бѣдный и простой народъ во слѣдъ Божественнаго Учителя, который самъ не имѣлъ, гдѣ главы поклонити? Влекли — сладость и высота Его Божественнаго ученія, влекли — многочисленныя благодѣянія и утѣшенія, которыя этотъ народъ получалъ отъ Спасителя. Припомните многочисленныя исцѣленія, воскрешенія и другія чудеса, совершенныя Спасителемъ, среди этаго народа и для его пользы, припомните Его кроткое обращеніе съ мытарями и грѣшниками, съ людьми

несчастными отъ природы и съ невинными дѣтьми. Припомните Его оправданіе женщины, ятой въ прелюбодѣяніи, припомните Его ученіе о блаженствахъ и о нравственномъ равенствѣ предъ Богомъ всѣхъ людей, не взирая на ихъ полъ и общественное положеніе, — ученіе столь отрадное для простаго народа, — и вы поймете, почему народъ, жены и даже дѣти слѣдовали за Христомъ до самой Голгофы и, могилы. Вотъ Его друзья!

Но, бр., сила матеріальная была въ рукахъ враговъ Христа, и на первыхъ порахъ ей суждено было одержать верхъ предъ нравственною силой Его послѣдователей. Господу не угодно было призвать легионы ангеловъ, чтобы поразить своихъ враговъ. А народъ могъ ли говорить правду въ глаза, гордымъ первосвященникамъ и книжникамъ, у которыхъ онъ былъ въ полномъ презрѣніи? Припомните разсказъ Евангелиста Іоанна, объ исцѣленіи слѣпородженнаго. Этотъ несчастный, обиженный самою природою, человекъ долгое время не имѣвшій самыхъ естественныхъ наслажденій, которыя даетъ намъ природа и общеніе съ людьми, разъ какъ-то дерзнулъ предъ гордыми своимъ положеніемъ, авторитетомъ и мнимою святостію фарисеями защищать праведность и Божественное посланничество своего Благодѣтеля, только что исцѣлившаго его. Что же отвѣчаютъ ему на это фарисеи? То, что только можетъ сказать гордость, которая обыкновенно безвинно даритъ презрѣніемъ нищету: *Во грѣсехъ твоихъ родился еси весь, и ты ли ны учиши? И изнаша Его вонъ.* (Іоан. IX, 34.)

Перейдемъ теперь отъ древняго Іерусалима и его

общества къ настоящему времени и посмотримъ, нѣтъ ли и между нами, или около насъ, -именующихъ себя послѣдователями Христа, враговъ Божіихъ?

Мы не смѣемъ, бр., думать, чтобы между нами нашлись ненавистные враги Христа, которые бы, по доброй волѣ, враждовали противъ Него. Враждовать противъ Бога человеку, -существу вполне зависимому отъ Него и надѣленному отъ Него всеми благами, -это нравственная невозможность. Но если нѣтъ между нами прямыхъ и добровольныхъ враговъ Божіихъ, то врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что мы на каждомъ шагу дѣлаемся невольными и ненавистными врагами Спасителя, -враждуемъ противъ Него, или лучше, противъ Его Божественнаго ученія, быть можетъ и сами того не замѣчая. Скажемъ болѣе: есть въ настоящее время, какъ и прежде, тамъ и здѣсь даже прямые и открытые враги спасителя. Развѣ нѣтъ въ настоящее время своего рода книжниковъ, готовыхъ убить Христа въ душахъ вѣрующихъ? Да, бр., теперь есть во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ книжники, т. е. ученые люди, которые, на основаніи мертвой цифры, безжизненнаго камня, отрываемаго ими въ глубинахъ земли, и механическихъ опытовъ надъ природою, сѣются изгнать изъ міра вѣчно живаго Творца, промыслителя и Спасителя міра, чтобы воцарить на мѣсто Его въ мірѣ и въ душахъ вѣрующихъ рокъ, случайность и необходимость, или оставляютъ Его мѣсто вовсе ничѣмъ незанятымъ. Подмѣтивъ въ природѣ нѣкоторыя тайны, которыхъ прежде не знали, они готовы почитать ее за Бога. Такъ, - современные книжники, отвергающіе Христа, не нововѣсты. Родъ ихъ ведется преем-

ственно отъ время Христа, до сего дне. Но людямъ не уничтожить дѣла Божія въ то время, какъ мудровація книжниковъ постоянно падаютъ и замѣняются старья новыми. Дѣло Божіе о спасеніи человѣка и челоувѣчества постоянно растетъ и множится, оставаясь въ сущности неизмѣннымъ. Было время, что во Израили до того оскудѣла истинная вѣра, что только 7000 челоувѣкъ не поклонялись Ваалу, - и однако эти 7000 спасли вѣру въ Иегову. Теперь 300 милліоновъ поклоняются Распятому, но мало поклонниковъ у Ваалоевъ, которыхъ изобрѣтають современные книжники. Въ то время какъ надменные вольнодумцы стараются изгнать Христа изъ какой нибудь западной школы или города, смиренныя миссіонеры проходятъ дикіе лѣса и степи Азіи, переплываютъ океаны и несутъ благовѣстіе о Христѣ какимъ нибудь дикимъ калмыкамъ или островитянамъ.

Но оставимъ, бр., современныхъ книжниковъ. Обратимся лучше къ самимъ себя: не являемся ли и мы иногда вольными или невольными противниками Христа и Его святѣйшаго ученія? Да, всякъ, кто противится Христову ученію и Христовыхъ заповѣдямъ, болѣе или менѣе противникъ и врагъ Христа. Возьмемъ, для примѣра, нѣсколько случаевъ изъ обыкновенной жизни и обыкновенныхъ челоувѣческихъ отношеній, когда мы становимся врагами Христа.

Христосъ заповѣдалъ намъ, своимъ словомъ и своимъ примѣромъ, стоять за правду до послѣдней возможности: *Блажени, готорить Опъ, алмущии и жажждущии правды... Блажени изнани правды ради* (Матѹ. V, 6, 10). Если же мы приносимъ правду въ жертву

нашего корыстолюбія или любочестія, если кривимъ совѣстію и продаемъ невинность, во имя нашихъ родственныхъ связей съ сильными міра сего и вообще во имя своекорыстныхъ расчетовъ; то развѣ мы не напоминаемъ собою Пилата, для котораго имя кесаря и дружба съ нимъ были дороже всего на свѣтъ, дороже даже имени и правды Божіей? развѣ мы не враги Христа и его правды?

Христосъ заповѣдалъ намъ быть безкорыстными, безхитростными и незлобивыми, какъ голуби. Если же мы изъ жажды прибытковъ, или изъ жажды мщенія, или изъ какихъ либо другихъ нечистыхъ побужденій продаемъ ближняго, роемъ ему яму или разставляемъ ему хитрыя сѣти, и притомъ еще пригрываемъ свои ковы постыднымъ лицемѣремъ: развѣ мы не напоминаемъ Иуду и его незаконное лобзаніе? развѣ мы не враги Божіей кротости, незлобія и безкорыстія?

Христосъ велитъ намъ быть праведными искренно и въ душѣ, а не по наружности только. Онъ заповѣдуетъ намъ не превозноситься своею внутреннею чистотою и праведностію даже и тогда, когда бы мы исполнили *вся повелѣнная намъ*, т. е. все, чего Онъ требуетъ отъ насъ. Если же мы по наружности кажемся святыми и *лицемѣрно на долзи молимся*, но, въ то же время, *снѣдаемъ дома вдовицъ*; (Луки. XX, 77.) если по наружности уподобляемся красивымъ сосудамъ, а *внутреннее наше полно есть грабленія и лукавства*; (Лук. XI, 39.) если наружно постимся и даемъ милостыни, и въ то же время не брежемъ о правдѣ и любви Божіей; (Лук. XI, 42.) если еще при томъ мы держаемъ гордится подобною правственностію; то

развѣ мы не напоминаемъ собою фарисеевъ, которыхъ мнимую праведность, съ такою строгостію, обличалъ Христосъ? развѣ мы не враги его ученія о внутренней и нелицемѣрной праведности?

Спаситель запечатлѣлъ все дѣло спасенія рода человѣческаго крестною смертію. Утвержденъ между небомъ и землею Голгофскій крестъ и положенъ въ основаніе церкви Христовой и назначенъ для послѣдователей Христовыхъ путемъ къ небу. Любовь къ Богу и ближнему и самоотверженіе или крестъ въ отношеніи къ себѣ самому—вотъ два великихъ начала христіанской нравственности: *Иже не приметъ креста своего*, говоритъ Спаситель, *и въ слѣдъ мене не идетъ: несть мене достоинъ.* (Матѣ. X. 38.) Крестъ служитъ печатью нашего христіанскаго имени и званія, онъ же служитъ залогомъ нашего спасенія. Вотъ бр., тотъ великій смыслъ и значеніе, какія даетъ св. Церковь кресту и крестному знаменію. Вотъ почему она заповѣдуетъ молиться и праздновать честному кресту. Вотъ почему она заповѣдуетъ налагать крестъ на грудь младенца, по выходѣ его изъ купели, носить его всю жизнь и идти съ нимъ во гробъ. По этому если мы, бр., боясь нарушить одно изъ не разумныхъ приличій времени, стыдимся сотворить крестное знаменіе, проходя мимо св. храма, или входя въ домъ, если, быть можетъ, даже стѣсняемся имѣть въ своихъ комнатахъ и на груди знаменіе креста, если мы въ храмъ совершаемъ неправильное и бессмысленное крестное знаменіе; то развѣ мы не напоминаемъ древнихъ Іудеевъ и Еллиновъ, для которыхъ крестъ и крестная смерть Богочеловѣка служили соблазномъ и безуміемъ? Развѣ

мы не напоминаемъ такъ или иначе тѣхъ приголгофскихъ богохульниковъ и кошуновъ, которые, кивая головами, говорили: *спасися самъ и снуди со креста.* (Марк. XV, 30.) Развѣ мы не враги креста?

Но довольно. Пусть каждый самъ, взявъ въ руки св. Евангеліе, добросовѣстно сверить свою жизнь съ тѣмъ высокимъ образцомъ христіанской правдивости, который здѣсь начертанъ, и потомъ взвѣситъ, въ чемъ и на сколько онъ послѣдователь или врагъ Христа и Его заповедей... Всякій грѣшникъ болѣе или менѣе врагъ Христа. Но, бр, грѣшникъ врагъ его до тѣхъ поръ, пока остается грѣшникомъ. Покаяніе дѣлаетъ насъ изъ враговъ друзьями и чадами Божиими. Тотъ кто не стыдился не только пить и ѣсть съ мытарями и грѣшниками, но и называться ихъ другомъ, если видѣлъ въ нихъ раскаяніе во грѣхахъ и готовность слѣдовать за нимъ,—не отринетъ и не постыдится назвать своимъ другомъ и всякаго искренно покаившагося грѣшника. Одного паче всего нужно бояться,—чтобы не сдѣлаться намъ закоренѣлыми и упорными противниками Христа и духа Христова. *Аще кто духа Христова неимать, тотъ исть Его,* тотъ врагъ Его. А оставаться упорно и не раскаянно во враждѣ съ Богомъ,—страшно. Аминь.

Борисъ Поликарповъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ДНЕЙ, ПРОВЕДЕННЫХЪ ВЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ.

Ныѣшнее время великой четыредесятницы и страстной недѣли великимъ значеніемъ своимъ въ исторіи челоѵчества, заставляють молчать всякую умственную дѣятельность и невольно обращаютъ всѣ силы души ко времени страстныхъ событій, произведшихъ непостижимый переворотъ въ жизни челоѵческаго рода, на пути его отъ небытія къ вѣчности; и потому я посвящаю эту статью воспоминанію впечатлѣній, произведенныхъ на меня богослуженіемъ въ св. Кіево-печерской Лаврѣ, во время великаго поста и свѣтлаго дня Воскресенія Христова.

Но должно сказать впередъ, что если бы кто пожелалъ имѣть полное понятіе о богослуженіи въ Кіево-печерской Лаврѣ въ эти великіе дни и сопровождающемъ его пѣніи трогательномъ и вмѣстѣ поражающемъ своимъ величіемъ; тотъ напрасно будетъ желать чтобы другіе передали ему полученные ими впечатлѣнія; никакое воображеніе неможетъ вмѣстить и удержать и никакія слова недостаточны, чтобы выразить все, чемъ исполняется душа въ продолженіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ священномъ храмѣ и окрестностяхъ его, осѣненныхъ духомъ святости.— Это чудный міръ на землѣ! Это міръ, въ которомъ душа, какъ бы совлекаясь всего тлѣннаго, тяготившаго ее, начинаетъ предвкушать сладость небеснаго спокойствія, блаженства неувадаемаго, безмятежнаго; — гдѣ она, какъ бы освобожденная отъ брѣнности, чувствуетъ

непоколебимое упованіе, что всё тяжкое, грустное, тревожное для нея, уже прошло, — оставлено за священными стѣнами тихой обители; отъ которыхъ сострахомъ бѣжить грозная, мятежная сила, обладающая внѣшнимъ міромъ. Для молящагося внутри этихъ стѣнъ, кажется, что внѣ ихъ другой міръ не существуетъ и быть не можетъ; ибо, какъ и быть во вселенной такому міру, который не чувствовалъ бы на себѣ силы благодати Божіей?.. Воображеніе не можетъ представить себѣ возможности такого отрицанія; однакожъ, такой міръ существуетъ — по долготерпѣнію и правосудію Божію, и потому душа томится желаніемъ освободиться отъ него.

Чтобы постигнуть и вполнѣ почувствовать все различіе Печерской обители, отъ всего, что въ мірѣ; чтобы сочувствовать душею божественному ея служенію; надобно вступая въ ея святыя врата, припомнить, во первыхъ, все что исторически извѣстно отъ основанія ея и до позднѣйшаго времени; — надобно вспомнить: что когда Богъ предопредѣлилъ просвѣтить обширныя страны пышнаго Православнаго царства Русскаго, свѣтомъ божественнаго откровенія; тогда это мѣсто было, не обыкновенными, чудными путями, названо въ обитель Богоматери; и съ того времени, сила Ея святого покровительства, напечатлѣлась, такъ сказать, на каждой ступени этихъ священныхъ горъ; и все освятилось благодатнымъ Ея присутствіемъ.

Отъ страны принятой Богомерью въ удѣлъ Ея божественнаго апостольства, — ведомый Ея ведѣніемъ, — преподобный Антоцій пришелъ на пустынный берегъ

Дѣйбра, и на этомъ мѣстѣ, первый положилъ основаніе отшельническаго, иноческаго житія. *)

Вслѣдъ за нимъ, ведомые духомъ Божиимъ стекались святые мужи, неся съ собою священныя преданія и образы богослуженія и благодѣпія церковнаго,—принятія ими отъ св. отцевъ восточныхъ Православныхъ обителей.

Вскорѣ, чуднымъ образомъ, посланы были святые строители храма Успенія Богоматери; храма, дивнаго красотою вѣшняго, а еще болѣе внутренняго, неподражаемаго устройства; словомъ: на всемъ этомъ храмѣ лежитъ, печать не земнаго искусства или науки, но высшаго вдохновенія, котрое выразилось въ соразмѣрности, красотѣ и таинственномъ величій всѣхъ его частей **).

Такимъ образомъ, Печерская обитель, сдѣлалась основнымъ камнемъ нерукотвореннаго храма, воздвигнутаго Господу Іисусу Христу, всю Русью;—свѣтиломъ Православной вѣры Христовой, отъ котораго излился свѣтъ истины во всѣ предѣлы необозримаго царства.

Въ печерскую обитель, великіе князья и цари Русскіе, приходили опочить духомъ отъ бремени дѣлъ, и принять новыя силы отъ благодатнаго ученія и совѣтовъ святыхъ подвижниковъ благочестія;—высокою чистотою небесной жизни, достигшихъ нетлѣнія; и содѣйствовали распространенію обители и благодѣпію ея храмовъ.

Итакъ въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій Печерская

*) Паломникъ Кіевскій стр. 2. Печерскій Патерикъ—житіе Пр. Антонія.

***) Печерскій Патерикъ стр. 74—87.

обитель, устрояемая вышею силою, постепенно пополнялась всѣми элементами внутренней ея жизни, въ отношеніи образа богослуженія, пѣнія и домостроительства, принесенными въ нее святыми мужами изъ горы Аѳонской и другихъ восточныхъ обителей. Можно сказать, что нѣсколько вѣковъ приносили, каждый свою дань, для составленія того величія и превышающей всякое воображеніе — гармоніи, которая поражаетъ мыслящаго человѣка на каждомъ шагу, въ каждую минуту, при богослуженіи въ храмѣ Печерской Лавры. Въ этомъ храмѣ, нѣтъ ничего просто-вещественнаго, мертваго: тутъ все оживлено высокою идеею вѣчнаго закона единства; все дышетъ жизнью благодати, — и голосъ хоровъ оглашающихъ своды храма, не замираетъ въ пространствѣ; по отдается отвѣтно отъ одной части храма и другой, возносясь далѣе и далѣе, выше и выше, въ непостижимыхъ сліяніяхъ созвучій, улетаетъ въ горнія сферы, оставляя въ сердцахъ молящихся неизгладимыя чувства благоговѣнія и тихой грусти по небесной отчизнѣ.

Созданіе печерской обители, во всемъ устройствѣ ея благолѣпія и служенія, — не могло быть дѣломъ одного или нѣсколькихъ человѣкъ и нѣсколькихъ годовъ. Это твореніе силы Божіей, въ продолженіи вѣковъ, посредствомъ цѣлаго міра святыхъ подвижниковъ царствія Христова на землѣ. *)

Съ такимъ размышленіемъ вступили мы въ Кіевопечерскую Лавру, въ среду первой недѣли Великаго Поста.

*) Сказаніе о св. Чудотворной церкви Печерской-Успенія Пресвятыя Богородицы. — Патерикъ стр. 74—88.

Въ великомъ храмѣ Успенія Богоматери на иконостасѣ намѣстныя образа были замѣнены страстными изображающими Спасителя въ преторіи Пилата; а Богоматери,—въ часы скорби Ея при видѣ великой жертвы

Начиналось великое повечеріе съ канономъ св. Андрея Критскаго. Два клира инокѡвъ исполняли весь канонъ, предваряемые каждый своимъ канонархомъ.

Но что сказать объ этомъ пѣніи? Какъ выразить достаточно то вліяніе, которое производитъ оно на душу? Предупрежденные, что кромѣ ирмосовъ, всѣ стихи канона не читаются, какъ вездѣ, а поются,—мы полагали, что это должно быть менѣе выразительно; но заключеніе наше оказалось совершенно неправильнымъ: это печальное пѣніе молящихъ а покаяніи стиховъ, такъ трогательно, такъ грозно для человѣка мыслящаго, что дѣйствіе его потрясающее душу не возможно и сравнивать съ обыкновеннымъ образомъ этого служенія при пѣніи лучшихъ пѣвческихъ хоровъ въ другихъ церквахъ; тамъ, слышенъ голосъ чтеца, выражающій раскаяніе и молитву одного человѣка;—здѣсь, —это кажется голосомъ всего рода человѣческаго, который возчувствовавъ свое униженное грѣхомъ состояніе и предвидя неизбежную гибель свою, въ вѣчности, съ воплемъ души, угнѣтаемой невыразимою тоскою, — взываетъ къ Спасителю свему: *Помилуй мя Боже, помилуй мя!*

Словомъ, все продолженіе этого служенія, неизбежно приводитъ человѣка въ то отвлеченное состояніе духа, въ которомъ онъ ясно чувствуетъ всю кратковременность земной жизни, всю суету и ничтожность

міра, всю низость тщеславія и гордости, необходимость обязанностей своихъ къ Богу и ближнимъ; почувствуетъ, какъ онъ далѣкъ отъ совершеннаго исполненія этихъ единственно-существенныхъ на земли обязанностей, возложенныхъ на него съ рожденіемъ, и какъ онъ близокъ ко всему, что совершенно противно цѣли, предназначенной ему для приуготовленія себя къ неизбежному переходу въ жизнь истинную, вѣчную.

Подобное же впечатлѣніе производитъ пѣніе на преждеосвященной Литургіи стиховъ: *Во царствіи Твоемъ помози насъ, Господи!* Во всемъ пѣніи лаврскомъ слышно, что оно составилось искусственнымъ сочетаніемъ звуковъ, какъ бываетъ у лучшихъ композиторовъ; но излилось вдохновенно изъ души проникнутой благоговѣніемъ и любовью къ своему Искупителю и святостью постоянного о Немъ размышленія.

Изъ троекратнаго повторенія стиха: *Помози насъ Господи* и проч. тонъ пѣнія, возвышаясь при каждомъ повтореніи, наконецъ кажется какъ бы воплемъ души силащейся проникнуть за предѣлы мрачнаго міра грѣховнаго, къ подножію престола Спасителя и Судіи, и молящей, *да поманетъ насъ во царствіи Своемъ!*

Трудно земнымъ языкомъ передать не земныя чувства; не возможно выразить словами общій характеръ этого величественнаго, таинственнаго служенія и пѣнія; въ немъ нѣтъ ничего подобнаго обыкновенной музыкѣ высокихъ композиторовъ свѣтскихъ; нѣтъ, это отголосокъ вѣчнаго, небеснаго служенія, вселяющій благоговѣйное удивленіе. Тутъ слышатся и вопли кающихся грѣшниковъ, и грозящій голосъ Правосу-

дія и милосердное обѣтованіе небеснаго спокойствія, блаженства безконечнаго; то слышатся гармоническіе отголоски хвалы Предвѣчному, какъ бы изъ отдаленныхъ надзвѣздныхъ предѣловъ, то ближайшій къ намъ звучный голосъ природы,— въ громахъ и буряхъ возвѣщающей силы Вышняго.— Здѣсь невольно возникаютъ въ душѣ слова Царя Пророка: Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ! Хвалите Его солнце и луна и всѣ звѣзды свѣта! Хвалите Его огонь, градъ и духъ бури, исполняющіе волю Его. Слава Его на небеси и на земли *).

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА.

Ночь великаго Четвертка.

Время было теплое, вечеръ тихій, за которымъ наступила тѣмная ночь. Въ полночь загремѣлъ печерскій колоколъ, и мы вошли въ Лавру.

Великій храмъ наполненъ былъ народомъ, — пришельцами изъ отдаленныхъ концевъ Православной Россіи. Много было на паперти; иные въ ожиданіи спали еще на каменномъ помостѣ, вокругъ стѣнъ храма. Внутри еще царствовалъ таинственный сумракъ и въ глубинѣ его, кое гдѣ вверху, видѣлись огоньки лампадъ, какъ звѣзды на темномъ небѣ; слышался только тихій гулъ народа, какъ бы съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ожидавшаго какого то событія.

Но вотъ, царскія врата тихо растворились и изъ пра-

*) Псаломъ 148, ст. 1, 3, 8. 41.

ка алтаря начали входить, въ траурныхъ — чорныхъ ризахъ и мантияхъ, со свѣчами и разными священными утварями, два ряда сослужащихъ архимандритовъ и іеромонаховъ, на встрѣчу митрополиту. Онъ вышелъ, безмолвно поклонился святымъ иконамъ и скрылся со всею духовнымъ сонмомъ въ алтарь; царскія врата затворились за нимъ. — Излетѣло благословеніе изъ алтаря, — и служеніе началось.

Тихое, таинственное, глубоко-печальное и вмѣстѣ грозное пѣніе, раздирающихъ душу стихирь, представляло воображенію что — то грозящее ужасающее и призывающее мечь правосудія Вышняго, за истязанія и смерть Божественнаго Страдальца. Время отъ времени благовѣстіе четырехъ святыхъ свидѣтелей Его жизни и страданій, — напоминало о весь ужась, всю мрачность злодѣянія, совершеннаго на землѣ челоуѣками, надъ высочайшимъ Образцемъ о всехъ добродѣтелей и смиренія, Благодѣтелемъ и Искупителемъ своимъ, и наполняло душу благоговѣніемъ и благодарностью, за не выразиющую любовь Его.

Въ это время весь храмъ былъ уже залитъ потоками пламени отъ свѣчь, изъ которыхъ каждая, озаряя лице держащаго, казалась духомъ жизни челоуѣка, пламенамъ его вѣры и умиленія.

Древнее строеніе храма, высокіе своды, вверху полные мрака безграничнаго, отъ противодѣйствія свѣта разлитаго внизу, изображеніе самаго событія, сопровождаемое погребальными обрядами, архимандриты въ полномъ траурномъ облаченіи, іеромонахи въ черныхъ мантиліяхъ и со свѣчами, важное, печальное, гармоническое пѣніе, — все это дѣйствовало на душу, какъ нигдѣ

и никогда, я ничего подобного нечувствовалъ и въ столицахъ, при всей возможности и средствахъ великолѣпія. Тамъ,—это обыкновенное торжественное служеніе,—здѣсь, это живое воспоминаніе ужасающаго событія, великой жертвы и искушенія челоуѣчества.

При этомъ необыкновенное вліяніе на чувства производитъ гармоническій ревъ огромнаго печерскаго колокола, который, какъ будто вѣщимъ голосомъ, призываетъ всѣхъ быть свидѣтелями страшнаго событія; и при звонѣ всѣхъ колоколовъ, вся эта башня,—диво огромности и красоты, кажется кажимъ — то звѣнящимъ органомъ, на которомъ каждый камень содрогаясь, издаетъ одинъ изъ звуковъ необъятнаго аккорда, наполняющаго далѣкія окрестности Кіева.

Все окончилось въ четыре часа по полуночи. Мы вышли изъ храма: — мрачно было на землѣ, мрачно на небѣ; луна, какъ нѣкогда солнце, будто въ ужасѣ сокрылась за черныя тучи, навалившіяся изъ бездны мрака на преступную землю и только трепетный свѣтъ ея выказывался по краямъ. Я вспомнилъ-только что слышанныя слова стихири: *Вся тварь измѣняшеся страхомъ, зрящи Тебе на крестъ висима Христе* *).

ВЕЧЕРЬ ВЕЛИКАГО ПЯТКА И НОЧЬ ВЕЛИКІЯ СУББОТЫ.

Перенесеніе св. плащаницы, обхожденіе съ нею вокругъ храма, въ память погребенія Господня и положеніе ея въ великомъ храмѣ, окончено было въ че-

*) Во св. вел. Пятокъ утра, на хвалитѣхъ послѣ XI Евангелія.

тыре часа по полудни Великаго Пятка. Наступилъ тихій весенній вечеръ и съ нимъ безмолвіе во всей Печерской обители. Наконецъ темная ночь облека покровомъ мрака печальныя впечатлѣнія страданій и погребенія Бого-человѣка,—и не измѣримыя пространства небесъ огласились свѣтоноснымъ хоромъ хвалы Вѣчному.

Въ полночь печерскій колоколъ возвѣстилъ часъ наступающей великой Субботы—дня послѣдняго земнаго упокоенія Божественнаго Страдальца. Огъ всѣхъ концевъ священной обители и извиѣея, стекались вѣрные, что бы поклониться гробу и облобызать плащаницу Погребеннаго,—Положившаго душу Свою за песь.

Смотря на это теченіе народа, казалось можно было сказать: *кто отвалитъ имъ камень отъ двери гроба?* *) Но онъ уже отваленъ воскресеніемъ Его въ Божественной славы; и не только камень, заключившій наше спасеніе, но и двери царствія отверзты Имъ для насъ; а страшная бездна, поглощавшая родъ человѣческій, заключена имъ навѣки.

Двери храма были уже отверзты и народъ наполнялъ весь храмъ и съ благоговѣйнымъ умиленіемъ поклонялся почившему во гробъ. Началось служеніе заутрени. Какъ поразительно это начало, когда среди всеобщаго, глубокаго безмолвія, одинъ громкій голосъ вѣщаетъ устами Царя Пророка, который проникнувъ мракъ грядущихъ вѣковъ и провидя побѣду его надъ смертію, взываетъ какъ бы къ самому снѣщему во гробъ: Услышать ты Господь въ день печали, за-

*) Марка Гл. XVI. ст. 5—

щититьъ ты Имя Бога Іаковля. Помянетъ всяку жертву твою и всесоженіе твое, тучно буди. Нынѣ познахъ, яко спасе Господь христа своего: услышитъ его съ небесе святаго своего. *)

По окончаніи Псалмовъ, когда оба клира попеременно взываютъ: *Богъ Господь и явися намъ!* Царскія врата алтаря отверзаются и весь сонмъ свщеннослужащихъ, предшествуя настоятелю, со свѣчами исходитъ изъ алтаря и въ безмелвіи окружаетъ гробъ Искупителя, съ кадилами и поклоненіемъ. Начинается на надгробная пѣснь *Страдавшему и Погребенному*. Не возможно изобразить словами всего таинственного величія этихъ минутъ.

Но чтобы воображеніе могло сколько нибудь постигать это сліяніе земной печали, съ торжественной радостью небесъ, надобно представить себѣ: это глубокое благоговѣйное безмолвіе вокругъ гроба, окруженнаго свѣтильниками, въ благовономъ облакѣ дыма, священнослужащихъ со свѣчами, окружающихъ гробъ и приносящихъ въ даръ Погребенному благоуханіе куренія и молитвы; и среди этого безмолвнаго поклоненія, слышится восхитительная мелодія тихаго тригласнаго пѣнія, какъ бы безплотныхъ, царящихъ надъ гробомъ, осѣняющихъ покой его, въ ожиданіи возстанія спящаго во гробѣ, и величающихъ вольное его страданіе и погребеніе. И вслѣдъ за каждымъ стихомъ этой горней хвалы, будто хоры смертныхъ, пришедшихъ поклониться Христу, повторяютъ хвалу небесныхъ охранителей его покоя, продолжая погребальную пѣснь.

*) Псаломъ XIX. ст. 2. 4. 7.—

Въ этомъ тригласномъ пѣніи, слышится не земная безъ утѣшная грусть лишенія или утраты не возвратимой; но какое то невыразимое чувство любви небесной, съ тихой жалостью о необходимости принесенной жертвы, — соединенное съ упованіемъ наступающаго часа нескончаемой радости и славы.

Съ окончаніемъ *велчанія*, — торжественныя видѣнія міра духовнаго какъ бы скрываются; царскія врата олтаря затворяются, и мы видимъ опять среди храма одинокій гробъ, *насъ ради подъявшаго смерть.* *)

Оба клира иноковъ начинаютъ печальную надгробную пѣснь воспоминаній, изображающую дѣянія и жертву того, кто *повелѣвая безднами морей, пыль лежитъ сокрытый подъ землею (**); стенаніе и трепетъ всей твари, привидъ висящаго на древь Того, Кто повѣсилъ въ воздушномъ океанѣ землю не-одержимо; (***)* весь ужасъ адскихъ силъ, узрѣвшихъ Его въ окровавленной одеждѣ отмщенія, являвшей событіе страшной для нихъ жертвы, принесенной предъ правосудіемъ небесъ. ****) Наконецъ, послѣдняя пѣснь этого канона выражаетъ трогательное обращеніе Божественнаго Страдальца, *изъ гроба къ рыдающей Матери—чистой Дѣвѣ*, послужившей исполненію предвѣчнаго совѣта, съ обѣтованіемъ *Ей вѣчной радости Воскресенія Его въ Божественной славы; и небесной награды всплзъ въ-*

*) Вел. Пятка вечеръ на стиховнѣ стихари: Тебе одѣю щегося...

**) Канонъ утра Вел. Субботы пѣснь 1-я Ирмосъ: Волною морскою и проч.

***) Тамъ же пѣснь 2-я Ирмосъ: Тебе на водахъ и проч.

****) Тамъ же на 9-й пѣсни стихъ 2-й *Земля покрываетъ* и проч.

рою и любовію Ее величающимъ. *)

Этотъ канонъ выражаетъ всю печаль надгробнаго пѣнія; но вмѣстѣ и все величіе волиной жертвы любви Божественной, изрекшей въ предвѣчномъ совѣтѣ своемъ, предъ всеми силами небесъ, святую волю свою: перейти юдоль смертную для того единственно, чтобы возвести созданіе свое въ первобытное его достоинство, безъ нарушенія небеснаго правосудія.

Но вотъ, опять видимъ надгробную процессію, выходящую со свѣчами и кадилами изъ сѣверной стороны алтаря, предшествуемую свѣгильниками; и вслѣдъ за ними монаховъ и іеромонаховъ, по два въ рядъ и на конецъ архимандрита въ полномъ облаченіи. Обойдя сѣверную сторону храма, они приближаются ко гробу Спасителя и окружаютъ его съ каждениемъ. Оба клира иноковъ также исходятъ и становятся полукружіемъ, позади священнослужащихъ. Тутъ слышится тихое медленное пѣніе, этимъ огромнымъ хоромъ,—погребальнаго пѣнъва: *святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный потилуй насъ!*

Трогательная важность этой процессіи и надгробнаго пѣнія — невыразима. Кажется, что эта хвала небесныхъ силъ, обращенная въ молитву смертныхъ, отнесится къ *безсмертному*,—еще спящему плотію во гробъ; но уже побѣдителя смерти, и весь народъ повергается предъ Нимъ съ моленіемъ: *да помилуетъ насъ и воззоветъ отъ смерти къ вѣчной жизни.*

*) Того же канона 9 пѣснь: *Нерыдай мене мати.*

Такъ заключилось надгробное служеніе заутрени Великой Субботы съ обычнымъ ея окончаніемъ.

Въ четыре часа по полуночи мы вышли изъ храма. Запоздалая луна, повитая свѣтлымъ сумракомъ, вышла уже изъ за окрестныхъ горъ и озаряла печальнымъ свѣтомъ золотые верхи обители — и легкія волны предразсвѣтныхъ тумановъ, носившихся надъ водами Днѣпровскими.

ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ СУББОТЫ.

Наступило утро Великой Субботы;—этотъ день, въ который внѣшній міръ озабочивается суетными приготовлениями къ земному праздненству. Этотъ день, такъ мало имѣющій въ міръ духовнаго значенія и смысла, здѣсь, — въ Печерской Лаврѣ, почти весь, съ утра до вечера, проводится въ храмѣ близъ мѣста тридневнаго упокоенія Испытателя міра. Здѣсь,—это живое изображеніе состоянія учениковъ Спасителя предъ тѣмъ временемъ, когда они въ смятеніи и упованіи, получили первую вѣсть отъ гроба о возстаніи ихъ безцѣннаго Учителя. Нигдѣ чувство этого торжественнаго часа,—возстановленія жизни всего человѣческаго рода и его спасенія, не выражается такъ величественно, какъ въ св. Лаврѣ; даже въ самыя еще первыя минуты, когда, такъ сказать, первая вѣсть достигаетъ вѣрныхъ ожидающихъ возстанія Господа.

Какъ здѣсь все знаменательно, какъ исполнено великихъ значеній все служеніе этой Субботы; оно выказывается здѣсь съ необычайною торжественностью. Во первыхъ, церковь пробуждаетъ всѣ воспоминанія,

начиная отъ самаго начала мірозданія. Засимъ, излагаетъ несчастное заблужденіе первыхъ человѣковъ, повлекшее за собою всѣ бѣдствія ихъ рода; удаленіе человѣчества отъ познанія истиннаго Бога и неизбѣжную погибель его въ вѣчности, безъ особенной Божественной помощи, оказанной ему посредствомъ великой, страшной жертвы, принесенной предъ правосудіемъ Божиимъ, Искупителемъ нашимъ, Котораго гробъ и погребальныя плащаницы еще подлежатъ предъ очами. Все это выражается въ пареміяхъ и чтеніяхъ, которыя представляютъ все сначала въ прообразованіяхъ, а потомъ во вдохновенныхъ сказаніяхъ Пророковъ объ этомъ страшномъ событіи, имѣющемъ совершиться на землѣ.

Наконецъ, среди этихъ горестныхъ воспоминаній всего дальняго міра, съ томленіемъ ожидавшаго исполненія обещаннаго искупленія, вдругъ, какъ бы слетаютъ съ горныхъ высотъ, — какъ некогда небесныя провозвѣстники рождества Спасителя міра, — три вѣстники, въ свѣтлыхъ одеждахъ, и остановясь надъ гробомъ Господа, тихою тригласною пѣсню умоляютъ Его возстать изъ гроба для суда враговъ Его, и спасенія міра: *«Воскресни Божже!»* взываютъ они *«суди земли, яко ты царствуеши во вѣки»*. Это моленіе повторяется отъ всего человѣчества цѣлымъ хоромъ, за каждымъ стихомъ тригласнаго пѣнія. Непосредственно за симъ, является благовѣстіе о возстаніи Христа, переданное міру Св. Еванг. Матеемъ, — и самое безцѣнное общаніе Спасителя нашего: *«пребывать съ нами не различно, до скончанія вѣка»*.

Здѣсь восторгъ объемлетъ души вѣрныхъ; но какъ

никакое слово недостаточно для выраженія такихъ высокихъ чувствъ, то Церковь взываетъ: *«Да молчитъ всякая плоть и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ и проч.* Но это воззваніе опять прерывается извѣщеніемъ: *«Возста, яко спя, Господь и воскресе спасая насъ!»* Тутъ уже торжественное Аллилуя слѣдуетъ въ отвѣтъ и всѣ вѣрные съ благоговѣйнымъ восторгомъ стремятся облобызать плащаницы Господа, оставшіяся на гробъ по возстаніи Его и радостная вѣсть Воскресенія Христа, несется повсемѣстно.

О! какъ въ этотъ незабвенный, великій день истомленная душа ищетъ Христіанскаго сочувствія; — жаждетъ раздѣлить силу святыхъ впечатлѣній, переполнившихъ ее, въ продолженіе дней страданій Господа. — Но если сами ученики Христовы, въ это время необычайной и еще сомнительной для нихъ радостной вѣсти, не могли дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, исполненныхъ упованія и страха и недоумѣнія о всемъ случившемся; то тѣмъ болѣе теперь, трудно найти челоуѣка, который бы, всею силою, всею полнотою души, выкинулъ бѣ въ таинственное величіе каждой минуты этого великаго дня.

Самыя даже внѣшнія явленія, какъ то: видъ храма, его освѣщеніе, облаченіе священнослужащихъ, самыя облака благовоннаго дыма кадильнаго, освѣщаемыя лучами склоняющагося къ закату солнца, — эти облака, восходящія въ самую вершину сводовъ, которые при этомъ кажутся открытымъ небомъ; все это, дополняя знаменательность служенія и пѣнія, производитъ впечатлѣніе, котораго невозможно передать словами. На-

добно слышать, видѣть, понять, прочувствовать и въ молитвенномъ восторгѣ изливать чувства души предъ *кроткимъ, тихимъ Свѣтломъ*, рожденнымъ отъ *Отца безсмертнаго, святаго блаженнаго*, и благословлять Его за то блаженство, которое благоволилъ онъ дать намъ еще въ здѣшнемъ мѣрѣ.

ПРЕДДВЕРІЕ СВѢТЛАГО ДНЯ.

Темная ночь Великой Субботы, еще облекала чернымъ покровомъ своимъ Печерскую обитель. Внутри великаго храма, среди полумрака и безмолвія, окружавшаго гробъ Господа, слышалось повѣствованіе Апостольскихъ дѣяній и потомъ опять воспоминаніе надгробнаго пѣнія, принесеннаго пострадавшему и погребенному Искушителю. Но вотъ священнослужашіе Ему, приходятъ ко гробу, какъ въ то время апостолы, услышавшіе вѣсть о воскресеніи Христовомъ устремились ко гробу и не обрѣвши пречистаго Тѣла, лобызаютъ плащаницы Его, подъемятъ ихъ и уносятъ съ собою, въ удостовѣреніе прочимъ учениковъ въ истиннѣ слышаннаго ими о востаніи Господа, и полагаютъ на святой трапезѣ. Эта радостная вѣсть оживляетъ всѣхъ и они зажигаютъ свѣтильники и съ восторженною пѣснью обращаются къ воскресшему, котораго воспѣваютъ *на небеси сонмы ангеловъ*, моля Его *да и сушихъ на земли сподобитъ чистымъ сердцемъ, Его славити*.

Съ этой торжественной пѣснью устремляются они изъ храма, проповѣдать міру его спасеніе; троекратно врывается въ храмъ, съ разныхъ сторонъ, отголосокъ этой радостной пѣсни; наконецъ двери храма

отверзаются и благодатная вѣсть о истинѣ Воскресенія Христа Спасителя, ясно сообщается вѣрнымъ въ словахъ: *«Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть попралъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!»*

Торжественная радость сообщается всѣмъ и изливается ими въ пѣсняхъ канона, исполненнаго неподражаемыхъ красотъ и неземнаго восторга, вдохновляшаго составителя его—Св. Іоанна Домаскина. Оба клира попеременноъ зываютъ къ вѣрнымъ: *«Воскресенія день, просвѣтимся людіе. День избавленія нашего Господомъ; ибо отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси Христосъ Богъ привелъ насъ, поющихъ Ему побѣдную пѣснь: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ и проч.»*

Очистимъ чувства наши и узримъ Христа, неприступнымъ свѣтомъ воскресенія блистающаго, возбѣщающаго намъ радость, да услышавъ ясно воспоемъ Ему побѣдную пѣснь: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ и проч.*

Да веселятся небеса, да радуется земля, да торжествуетъ весь міръ, видимый и невидимый, ибо Христосъ возсталъ, — вѣчное веселіе!

Въ началъ каждой пѣсни этого канона священнослужащіе исходятъ изъ олтаря, по два, съ крестами и кадилами, предшествуемые діаконами со свѣтильниками, обтекаютъ всѣ стороны храма, какъ бы для подтвержденія міру истины благовѣстія о воскресеніи Христовомъ.

По окончаніи пѣсней канона слышится въ олтарѣ тихая величественная пѣснь Эксапостиларія, напомина-

ющая печальныя событія, совершившіяся при великой жертвѣ искупленія міра; и потому, при всей радостной торжественности, эта пѣснь исполнена невыразимо трогательной мелодіи.

Наконецъ, обиліе небесной радости, переполнило сердца учениковъ Христовыхъ и мы видимъ ихъ, при необычномъ движеніи вокругъ св. трапезы, объемяющихъ и лобызających другъ друга, непрестанно сообщая взаимно радостную вѣсть: *Христосъ воскресъ! — Воистину воскресъ!*—Здѣсь оба клира, какъ-бы возбужденные видѣніемъ, воспѣвая искупительную пасху, взываютъ: *«Воскресенія день, просвѣтимся торжествомъ и другъ друга обымемъ, какъ братія, и не навидящимъ насъ простимъ все ради воскресенія Христова и вѣмъ воскликнемъ: Христосъ воскресъ!*

На этотъ призывъ, исполненный любви и міра, священнослужащіе исходятъ изъ олтаря съ крестами и иконами воскресенія и цѣлуютъ о Христѣ всѣхъ вѣрныхъ, сочувствующихъ имъ въ радости спасительнаго событія.

Наконецъ это свѣтлое утреннее служеніе оканчивается словомъ Іоанна Златоуста, который желая примирить каждаго христіанина съ его совѣстью и упразднить всякое сомнѣніе и скорбь о его недостойнствѣ, объявляетъ всѣмъ вѣрующимъ: что все умиротворено искупленіемъ и воскресеніемъ Христа Спасителя; — чтобы никто не считалъ себя исключеннымъ и недостойнымъ участвовать въ свѣтломъ торжествѣ воскресенія Господня; — что всякаго человѣка, наименѣе заслужившаго, но вѣрующаго въ него, Спаситель міра, приѣмлетъ съ любовію какъ и перваго изъ достойныхъ;—

чтобы никто не боялся смерти, ибо смертью своею Христосъ освободилъ отъ вѣчной смерти душевной, всѣхъ вѣрующихъ въ Него,—и воскресеніемъ своимъ отверзъ намъ двери вѣчной жизни.

Заклучимъ впечатлѣніе этого дня сознаниемъ, что намъ, смертнымъ свойственнѣе сочувствовать всему печальному совершившемуся на землѣ, чѣмъ вполне выразить торжество небесной радости; а потому эта мысль превосходно выражена въ начальной стихирѣ, во время обхожденія храма: *Воскресеніе твое Христе Спасе! ангелы поютъ на небеси, насъ же на земли сподоби только чистымъ сердцемъ прославлять твое милосердіе.*

Замѣтимъ еще касательно богослуженія и пѣнія въ св. Кіево-Печерской Лаврѣ, что люди не лишеныя чувства высокой истинной поэзіи, люди, которыхъ сердце не изсохло и не окаменѣло отъ зноя страстей, которыхъ умственное поле жизни, незаглохло отъ волцовеѣ и тернія;—многіе, говорю, изъ такихъ людей, съ которыми я желалъ повѣрить справедливость моихъ ощущеній, всѣ единодушно согласны въ томъ, что простоявъ въ храмѣ Лавры пять и шесть часовъ, даже въ ночное время, вы совершенно теряете сознание полета времени; вы находитесь только въ настоящемъ, не измѣряя чувствами души ни прошедшаго, ни будущаго; и только по выходѣ изъ храма почувствуете всю потребность въ отдохновеніи,—чувство, соединенное съ сожалѣніемъ о минувшемъ душевномъ наслажденіи; *духъ бо добръ, плоть же немощна!*

Г. Раковичъ.

Г.

Двѣ пѣсни Великаго Пятка.

переводъ съ славянскаго.

«Насъ ради распятаго....»

Прійдите всѣ и воспоёмъ,
За насъ Распятаго крестомъ,
Внимая Матери и Дѣвѣ,
Его увидѣвшей на дровѣ
И такъ глаголавшей о Немъ:
«Хотя и терпишь крестъ, Невинный,—
«И Сынъ мой Ты, и Богъ мой дивный!

«Своею ангиа ангиа зрящи....»

Когда на крестное страданье
Его, какъ ангиа на закланье,
Поспѣшио воины влекли;
За Цимъ лишь женщины инья
Съ нѣмою горестью текли
И съ ними кроткая Марія....
Узрѣвъ Его полуживымъ,
Она, какъ внѣ себя, за Нимъ
Спѣшитъ терзаясь, ломить руки;
По вѣтру выются волоса;
Лицо все блѣдное отъ муки,
И потъ струится какъ роса;

- Она, очей не отрывая,
Къ Нему стремится, восклицая:
«Куда идешь, мое дитя?
«Чего спѣшишь въ толнѣ злодѣйской?
«Опять-ли въ Канъ Галилейской
«На новый бракъ зовутъ Тебя,
«И Ты идешь съ толпой пароду,
«Да обратишь въ вино имъ воду?....
«Иди-ли мнѣ съ Тобой, мой Сынь,
«Или остаться въ ожиданьи?....
«Скажи мнѣ слово, звукъ одинъ!
«Не проходи меня въ молчаньи,
«Соблюдшій чистою меня:
«О, въ самой скорби вѣрю я
«Тебѣ, Страдалецъ Безотзывный,—
«И Сынь Ты мой, и Богъ мой дивный!...»

II.

Передъ Распятіемъ

(въ дни говѣнья)

Опять, и опять, и всегда оскорбляю
Тебя, мой Спаситель! Тебя распинаю
Грѣхами моими я каждаго дня:
А Ты, Милосердый.... а Ты, умирая,
Ты все меня любишь —и, тихо склоняя
Главу на крестъ, Ты прощаешь меня;
Единого только раскаянья ждешь,
И все меня въ рай Ты зовешь и зовешь.

Доколѣ жъ я медлю!... я боленъ; я стражду;
Прискорбна душа моя: Господи! жажду
Я помощи свыше! Въ безсилыи своемъ,
Твое призываю Пречистое Имя,
И съ воплемъ сердечнымъ молюсь: помани мя,
Владыко, во царствіи вѣчномъ Твоемъ,
И всѣхъ помани моихъ милыхъ въ семьѣ,
И всѣхъ, кто въ молитвѣ вздохнетъ обо мнѣ!

III

ПЛАЧЪ

Пресвятой Богородицы при крестѣ.

(ТВОРЕНІЕ Симеона Логофета, † около 940)

переводъ съ славянскаго.

Съ сердцемъ растерзаннымъ, скорбью объятымъ,
Чистая Дѣва, увидя распятымъ
Сына и Господа, горько вопить,
Съ женами близкими, стонеть-гласить:
Сынъ мой возлюбленный, Сынъ мой любимый,
Вижу, висишь на крестѣ недвижимый,
Вижу—и горько я мучусь въ душѣ;—
Дай же мнѣ слово, Господь мой, рабъ:
Самъ себя предалъ, Твое изволеніе,
Сынъ и Творецъ мой, на смерть и мученіе..
Нынь надежда всей жизни моей,
Вся моя радость, веселе дней —

Сынъ и Господь мой — со мной различается:
Горе, увы-увы! сердце терзается!...

Петръ изъ боязни сокрылся скорбя;
Всѣ убѣжали, покинувъ Тебя.....

Больше всѣхъ матерей, мой Единственный,
Славна была я, родивши таинственно;

Нынѣ-жь, увы! на крестъ Тебя зрю:
Сердце горитъ мое, тяжело скорблю.....

Если бъ съ креста я Тебя заключила
Въ руки, въ которыхъ младенцемъ носила;

Горе мнѣ! сердце напрасно лишь ждетъ:
Этой отрады никто не даетъ!

Жизнь моя, сладкій мой Свѣтъ, упованіе,
Богъ мой угасъ на крестъ!... о, страданіе!

О незакатное Солнце мое,
Вѣчный Богъ, давший всему бытіе,

Всякое въ міръ создавший твореніе,
Какъ нынѣ терпишь Ты крестъ и мученіе!

Спѣшно, Иосифъ, къ Пилату гряди,
Съ ревностью вѣры къ нему ты войди

И испроси позволеніе правителя —
Снять со креста тебѣ Друга-Учителя.....

Сынъ мой! какъ горько Тебя видѣть мнѣ
Въ язвахъ, безъ славы, нагимъ на крестъ!

Сынъ мой, Сынъ! сердце горитъ, разрывается,
Плачу какъ мать я, но скорбь не смягчается..:

Вотъ со креста ужъ снимаютъ Тебя,
Сладкое чадо, Отрада моя!

Тыло Твое на колѣни беру я,
Плача надъ нимъ, и моля, и цѣлуя...
Ты мнѣ надеждой единой служилъ,
Жизнью и свѣтомъ очей моихъ былъ,
Сынъ мой возлюбленный, Богъ мой великій:
Нынѣ лишилась Тебя я, Владыко!..
Чадо любимое, сладкій мой Свѣтъ,
Мнѣ безъ Тебя ничего въ мѣрѣ нѣтъ!
Вздохи, сердечныя скорби и боли
Нынѣ, увы мнѣ! удѣлъ моей доли:
Сынъ мой возлюбленный—мертвѣй лежитъ,
Мертвѣ, обнаженъ, ароматомъ покрытъ.....
Мертвѣй Ты нынѣ, людей возлюбившій!
Мертвѣй нынѣ Ты, мертвецовъ оживившій!
Мѣрѣ содержащій—Ты мертвѣ предо мной:
Горько я мучусь, терзаюсь душой...
Лучше съ Тобой умереть, мой Желанный,
Какъ мнѣ смотрѣть, что Ты мертвѣ, бездыханный!
Дивлю, Господь мой благій, для меня
Видѣть безъ славы, безъ жизни Тебя!..
Плачу и плачу, Тебя обнимая;
Сынъ мой и Богъ мой! того-ли ждала я!..
Можетъ, Ты слово мнѣ хочешь сказать?
Можетъ, Ты лаской почтишь свою мать?
Съ воплемъ, рыданьемъ Тебя лобызаю,
Страшно подумать, о чемъ помышляю...
Мнѣ ужъ не слышать сыновнихъ рѣчей,
Мнѣ ужъ не видѣть привѣтныхъ очей!

Счастье жизни моей удаляется —
Свѣтъ отъ очей моихъ — Сынъ мой скрывается!...

Гдѣ же, мой Сынъ, благовѣстіе словъ,
Мнѣ принесенныхъ съ небесныхъ круговъ?

Мнѣ-жь Гавріилъ, въ восхищеніи многомъ,
Звалъ и Царемъ Тебя, Сыномъ и Богомъ;

Нынѣ-жь я вижу, мой Сынъ, наконецъ,
Ты лишь истерзанный, пагій мертвецъ!

Сжался надъ матерней скорбью-тоскою:
Нынѣ-жь возьми и меня Ты съ собою.

Сынъ мой и Богъ мой! прійми Ты меня,
Пусть и во адѣ съ Тобой буду я!

Не оставляй меня, Сынъ мой единый,
Жить не хочу безъ Тебя, мой Любимый!...

Что-жь это вижу? куда Ты идешь?
Сынъ мой! зачѣмъ Ты меня не берешь?

Жены, рыдайте! душа разрывается:

Свѣтъ мой, Учитель вашъ въ гробъ полагается!

Дивное чудо: какъ въ гробѣ лежишь?!

Ты-же умершимъ воскреснуть велишь!...

Не отойду я отъ гроба съ Тобою,

Не перестану я плакать съ тоскою,

Чадо мое, я смиренной рабой

Буду въ слезахъ изливаться душой,

Буду, пока сойду въ адъ я на муки:

Не перенести мнѣ съ Тобою разлуки!...

Радость меня уже не посѣтитъ —

Свѣтъ мой и Радость во гробѣ лежитъ!

Я-жь одного не оставлю на мѣстѣ,
Здѣсь же умру, погребутъ меня вмѣстѣ!
О! исцѣли мою горечь тревогъ:
Сынъ мой, воскресни, воскресни какъ Богъ!
Муку и скорбь утоли, вѣдь Ты можешь:
Все, что захочешь Ты, что предположишь,
Все исполняешь, Владыко людей;
Ты и во гробѣ по воль своей...
Господи! слышу Твое утѣшеніе,
Сердцемъ я слышу глаголъ воскресенія:
Славлю Твое милосердіе, любовь;
Славлю богатыя милости вновь:
Ты для спасенія Твоихъ же созданій,
Смерть претерпѣлъ, среди тяжкихъ страданій!
Но воскресеніемъ, Благостный Спасъ,
Господи Боже, помилуй всѣхъ насъ!

С. Пономаревъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1. ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1866 ГОДУ.

«Душеполезное Чтеніе», по прежнему, выходитъ ежемѣсячно. Въ теченіи года изъ 12 ежемѣсячныхъ книжекъ составитъ три части, около 550 страницъ въ каждой.

Цѣна годовому изданію въ Москвѣ: 3 руб. сер., съ доставкою на домъ 3 р. 50 к., и съ пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи 3 руб. 50 коп. сер. Оставшіеся неразобранными полные экземпляры «Душеполезнаго Чтенія» за 1860, 1861, 1862 и 1863, годы отускаются по два рубля съ пересылкой, а за 1864 и 1865 годы по 2 руб 50 коп.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки: *исключительно* въ Москву, ВЪ КОНТОРУ РЕДАКЦІИ «ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ», и въ своихъ адресахъ четко и обстоятельно прописывать званіе, имя, отчество, фамилію и мѣсто жительства.

Январская книжка «Душеполезнаго Чтенія» вышла въ половинѣ января, февральская — въ половинѣ февраля.

Издатель и Редакторъ Св. *Василій Нечаевъ*.

2. ОТЪ РЕДАКЦІИ ПЕНЗЕНСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВЪДОМОСТЕЙ.

Пензенскія Епархіальныя Вѣдомости издаются съ 1-го

генваря 1866 года по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, и состоятъ изъ двухъ частей, официальной и неофициальной. Въ 1 й печатаются правительственныя распоряженія какъ вообще по духовному вѣдомству, такъ и въ частности слѣдующія къ свѣдѣнью и исполненію духовенству Пензенской епархіи, которому за тѣмъ посылка особыхъ циркулярныхъ указовъ, за исключеніемъ экстренныхъ, и такихъ, кои не подлежатъ всеобщему опубликованію, прекращена, — а такъ же всякаго рода правительственныя объявленія и извѣщенія. Во 2 й части помѣщаются статьи духовно-литературнаго содержанія, указанныя программой, напечатанною въ полномъ составѣ въ 1-мъ и 2-мъ номерѣ Вѣдомостей. Для того, чтобы послѣдняя часть достигала общепользной цѣли, указанной программой, Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ съочувствующихъ дѣлу духовнаго образованія, содѣйствовать ей своими трудами.

Цѣна годовому изданію для получающихъ оное въ самой Редакціи 4 руб. 50 к., съ разсылкою по почтѣ и доставкою на домъ 5 руб. съ требованіями обращаться *въ Пензу* на имя *Редакціи Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Пензенской Духовной Семинаріи.*

Редакторы: Инсп. Сем. Прот. *Іаковъ Бурлуцкій.*

Прот. *Василій Березжскскій*

СОДЕРЖАНІЕ: I. 26-е письмо Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Кіевскаго. II. Слово въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Александра Александровича. III. Воспоминанія дней, проведенныхъ въ кіево-печерской лаврѣ. IV. Слово на 3-ю пассію. V. Три стихотворенія. VI. Объявленія.

Редакторъ Прот. Н. Думитрашко.
Печ. дозволяется. 1866 г. Апрѣля 1 дня. Цензоръ Пр. *Катрамовъ.*
Полтава. Въ типографіи вр. Н. и П. Цигуренко.